

Мария Текун

Ничья Земля

рассказ

[Еще одно необычное происшествие]

Ничья Земля

Часть первая. Экскурсия

Однажды к нам пришел Игорь. Он был бабушкин знакомый и раньше часто к нам приходил. Потом пропал, а теперь вот снова появился. Он пришел, чтобы пригласить меня поехать с ним на экскурсию, так он это называл.

«Знаешь, совершенно непримечательные места, а сколько там всего интересного можно найти, ты даже не представляешь! - рассказывал он о своем теперешнем увлечении. – Далеко я обычно не езжу, так, по окрестностям. Городков разных и поселков на карте – не сосчитать, все не объедешь, и кажется – чего там может быть интересного? А вот всегда что-то находится... И люди везде разные. Интересные. Так выходные дома просидишь, делать все равно нечего – телевизор, холодильник... а так впечатления останутся, - продолжал он. – Поэтому я решил путешествовать, - он усмехнулся, - по родным болотам, - бюджетный вариант, и не нужно «планировать отпуск»».

Он улыбнулся и взглянул на меня.

«Ну, ты как? Может, составишь мне компанию?»

Мне показалось, что Игорь приглашал меня с собой в путешествие не ради собственной корысти. Он всегда ездил один, и ему не было скучно, и компания, возможно, ему никакая не нужна. Тогда что...

Я смотрела на него. Игорь был добрый. Он был очень тихий и спокойный человек, всегда вежливый, внимательный, готовый помочь. Внешне он почти не изменился с тех пор, как я видела его последний раз. Но внутри появилось что-то еще. Может, открылась какая-то душевная глубина, которой я не видела или не замечала раньше. Было чувство, что он носил в себе какую-то глубокую печаль, и боль, которая угнездилась в сердце, смотрела теперь оттуда его глазами.

Я согласилась.

«Куда поедем?»

«Здесь неподалеку есть один городок, - сказал Игорь, - раньше там были какие-то ремесла... я точно не знаю, но теперь ничего такого нет, просто, говорят, что там природа красивая, и вообще место удивительное. В любом случае, будет приятно проветриться. И погода хорошая».

Так сказал Игорь.

Мне было все равно, куда ехать. Я нигде не была.

«Тогда договорились. Завтра я заеду за тобой».

«На чем?»

«На машине, - Игорь улыбнулся. – Обещаю путешествие со всеми удобствами».

Я удивилась. Не ожидала, что у Игоря появилась машина. Он не был похож на богатого человека.

* * *

Примерно к двенадцати часам пополудни мы приехали на какую-то станцию, как бывают биостанции или метеостанции. Что это была за «станция», оказалось сложно определить. Буквально в чистом поле располагались какие-то деревянные постройки явно былых времен, назначение которых было так же сложно определить в том смысле, что это могло быть что угодно.

Там работали два парня, которые встретили нас, как только мы въехали в раскрытые ворота, подвешенные к кривому забору из сетки-рабицы, давно проржавевшему и прогнутому, как продавленная кровать.

Они радостно нас приветствовали. Их искренняя радость вроде бы ничем не была нами заслужена.

«Это твои знакомые?» - спросила я Игоря.

«Нет», - ответил он.

Мы вышли из машины.

«Добро пожаловать!»

«Очень рады, что вы все-таки к нам добрались!»

«Ты уже был здесь раньше?» - спросила я Игоря.

«Нет», - ответил он.

Просторный двор, куда мы въехали, был пуст – только зеленая трава вокруг, а впереди виднелся дом, или корпус. Это было обширное одноэтажное деревянное строение с двумя крыльями, верандой и широким крыльцом посередине. Коричневая краска местами облупилась, и сквозь нее проглядывали серые доски. На крыльце спал кот, под крыльцом – собака. По двору ходили голуби, как куры. Они как будто были ручные и не боялись присутствия человека.

Я огляделась. Оказалось, что забор, через ворота в котором мы въехали, ничего не огораживал. Он тянулся на несколько метров в одну и другую сторону от ворот, потом терялся в плотных зарослях старых кустов акации, а потом и вовсе – терялся...

Хозяева пригласили нас войти. Дощатые ступени крыльца гулко ухали под ногами.

«Ваши комнаты будут в правом крыле, а мы живем в левом, - пояснили они, провожая нас. – Располагайтесь, пожалуйста, а потом мы проведем вам экскурсию по станции».

«А что это за станция?» - спросила я.

Они переглянулись.

«Ну, научно-исследовательская», - ответил один, и кивком подтвердил другой.

Парни были очень спокойные и доброжелательные. Доброжелательные в том редком смысле, когда человек бескорыстно желает тебе добра, потому что такова природа его души. В их присутствии не чувствовалось никакого

напряжения, и я вздохнула с облегчением. Часто мне бывает сложно с людьми...

Мы не стали особо долго возиться с вещами и сразу отправились на экскурсию. Мы вошли в левое крыло. Там была одна большая комната, вся заваленная и уставленная какими-то агрегатами и приборами неизвестного предназначения. Вид этих приборов не всегда вселял уверенность в том, что ими можно будет воспользоваться при необходимости. Игорь очень заинтересовался приборами. А я стала спрашивать про жизнь. Так мы разделились на две группы.

Парня, который остался со мной, звали Руслан. Он был похож на бывшего сектанта, растамана или кришнаита. Он охотно отвечал на все мои вопросы, но из его ответов невозможно было ничего понять. Может, он был буддистом...

Мы вышли на крыльцо и смотрели на местные достопримечательности: кругом было ровное зеленое поле, за ним виднелось небольшое озеро, за озером – лес, и над всем этим огромное светлое чистое голубое небо. Я поймала себя на мысли, что давно не видела такого большого неба – то есть от края и до края. А что обычно? Кусочек здесь, кусочек там... между домами, корпусами, башнями, трубами. Маленькие кусочки неба, без солнца, без звезд.

Я снова пыталась спрашивать о том, что они здесь делают и как живут. Руслан старался объяснить. Но как оказалось, у них не было здесь определенных обязанностей и четкого графика труда. Кажется, вся их жизнь сводилась к тому, чтобы постоянно быть на месте, чтобы в случае чего... Понятнее Руслан объяснить не мог, но и это было не понятно.

Мы вернулись в «лабораторию».

Игорь тем временем увлекся изучением различных приборов, и помощником в этом служил ему Алексей. Тот напоминал бывшего хакера или программиста-новатора, что, в общем-то, кажется, одно и то же.

«А это что?» - заинтересовался Игорь одним прибором. Он выглядел как

старый советский пылесос «Тайфун» в чехле: пылесос-пуфик-табуретка.

«Это мы используем для наблюдения», - пояснил Алексей.

«Вы все используете для наблюдения, как я уже понял, - усмехнулся Игорь. – А конкретно, что это такое?»

«Хочешь испытать на себе?» - загадочно ответил Алексей.

«Попробую, если оно работает», - сказал Игорь.

«У нас все работает. Смотри, садись сюда, вот отсюда поднимаются борта, а дальше она может поднимать тебя в воздух или опускать под воду, смотря что требуется. Управлять ей можно телом, а можно и мысленно, мы вообще точно не знаем».

Парни рассмеялись.

Игорь попробовал вытащить борта. Борта были сделаны из брезента или похожего материала, и держались в поднятом состоянии благодаря хлипкой системе распоров.

«А время, сколько она может летать?»

«Ну, часа полтора, наверное. Может, и больше, но мы больше не пробовали».

«А как заряжается?»

«Заряжается? – переспросил Алексей. – Ну, стоит на месте и заряжается. У нее вроде бы внутри аккумулятор, а тут вот платформа, которая его заряжает. Как-то так».

«Ладно. А высота, на которую можно подниматься?»

«Она сама регулирует – просто выше не летит и все».

«Хорошо, а это не опасно?»

«Да вроде нет, - ответили парни, - но ты летай вон над озером, на всякий случай. Если свалишься, то не убьешься. И в кабине там покрепче держись, чтоб не выпасть».

Затем они выкатили «пылесос» на веранду. Игорь залез в «кабину», поднял и закрепил борта, сел на пылесос и принялся ерзать, как на табуретке без

колесиков. Но у пылесоса колесики были, и он сначала просто покатился по полу, а потом вдруг в нем что-то включилось, и он поехал, как детский электромобильчик, который едет медленно и плохо управляется, но восторг уже в том, что он сам едет, и рулится и... летит!

Игорь полетел в Небо!

Это было и невероятно и смешно одновременно. Станный агрегат, как обьевшийся шмель, медленно поднимался в небо, по неровной прерывистой траектории, но приблизительно соблюдая общее направление вперед и вверх.

Я смотрела на небо. На небе были облака и Игорь в ступе. Постепенно он поднялся на максимальную высоту и там завис. Я смотрела на него и на солнце сквозь ладонь. Было видно, что он тоже смотрит в небо. Потом я догадалась, что Игорь фотографировал облака.

«Оттуда они что, ближе?»

«Ты удивишься, но гораздо ближе! - подтвердили парни. – Ты сама увидишь, когда полетишь».

«Я...» - хотела сказать, что не собираюсь никуда лететь, что не умею пользоваться разными устройствами, и машину водить не умею, но ничего такого не сказала, а только молча продолжала следить, как Игорь совершал свой замысловатый полет.

Постепенно он лучше освоился с управлением, и стал бороздить небеса, летая туда-сюда линиями, кругами и спиралями. В моем воображении за ним оставался белый перистый след, как от самолета. Потом он начал снижаться, до тех пор, пока не достиг поверхности озера, а потом неожиданно ушел под воду.

Я невольно вздохнула:

«Ах!»

Парни тоже наблюдали за полетом, удобно расположившись на широкой скамье, стоявшей на веранде у стены, но не проявили никаких признаков беспокойства. И действительно, через некоторое время ступа с шумом

вынырнула из воды и быстро полетела в сторону луга, довольно низко над землей. Я видела, что на лугу паслись коровы, которые так же никак особо не реагировали на присутствие летающего агрегата в непосредственной близости от них. Они спокойно щипали травку и время от времени медленно поднимали головы, словно провожая Игоря взглядом. Мы тоже. Парни по-доброму шутили и обсуждали попутно какие-то свои дела. А мне все больше становилось интересно, что же это за место, и что они тут делают. Но их ответы ставили меня в тупик.

На вопрос, чья это земля, они ответили, что не знают, но считают ее своей, потому что живут и работают здесь уже несколько лет: Руслан пять или шесть, а Алексей четыре или пять.

«Был еще третий, Денис, но он недавно исчез. Теперь мы вдвоем, - сказали они. – Втроем, конечно, проще было управляться, но и вдвоем вполне возможно».

«Но что вы здесь делаете?»

«Мы следим за станцией и поддерживаем порядок».

«А кто установил здесь этот порядок? И кто вам за это платит?»

«Ну, никто», - ответили они на два вопроса одновременно.

«Тогда... как же вы работаете? И как живете? На что?»

«Ну, нам здесь как бы всего хватает, у нас вообще все есть, а порядок – ведь всем известно, что такое порядок, и каким он должен быть, понимаешь?»

«Но... порядки у всех разные», - возразила я.

«Нет, порядок один. Это Единый Великий Божественный Закон, мы его соблюдаем и поддерживаем, а Хозяин нам в этом помогает», - сказал Руслан, и тогда я подумала, что не ошиблась, посчитав его бывшим сектантом. – Так здесь все устроено, так здесь все живут, даже те, кто не верит, что это так, и даже те, кто вообще не задумывается».

В моем уме возникло множество вопросов и возражений, так много, что было бы сложно найти начало и конец этих мыслей и высказать все последовательно,

так чтобы прояснилась общая картина и встало бы все не свои места.

«Но если вам за это никто не платит, то на что вы живете, и почему считаете, что это ваши обязанности, ваша работа?»

«А зачем нам деньги? У нас и так все есть. Мы всегда получаем необходимое для жизни из разных источников. Вот, сегодня, например, вы приехали. Мы сделали вам экскурсию, и вы дадите нам деньги, если захотите, конечно», - он засмеялся. Его смех был чистым и бесхитростным. Так смеется ребенок, который счастлив просто потому, что он – есть.

«Конечно, - поспешила я заверить его. – Но если завтра никто не приедет?»

«Всегда кто-то приезжает», - спокойно возразил он.

Все его существо говорило о том, что для него это не просто слова.

«Тогда почему вы решили, что вы здесь работаете, если вас никто не нанимал, не подписывал договор и не платит зарплату?» - никак не унималась я.

«Выходит, мы сами подписали договор. Просто мы договорились, что будем тут следить за порядком и все. С тех пор мы это делаем и все. Зачем еще какие-то бумаги?»

«Но где же гарантии? Ведь такое положение очень ненадежно! – я пыталась подобрать слова, чтобы выразить ту мысль, которая в нашем обществе и так была понятна всем без слов, но здесь почему-то моя логика не работала, постоянно натываясь на стену, вернее, поле абсолютной безмятежности.

«А вдруг завтра что-нибудь случится? Вдруг завтра появится настоящий хозяин и прогонит вас отсюда? И вообще, как можно так жить, не думая о будущем? А пенсия?»

Они расхохотались.

«Теперь понятно, о чем ты говоришь», - сказали они.

Я почувствовала, что они решили сжалиться надо мной.

«Понимаешь, те мнимые гарантии, ради которых большинство людей готовы принести в жертву свою жизнь, это попросту ловушка. Люди не замечают, что

уже живут той жизнью, ради которой стремятся получить все эти гарантии, работая на нелюбимой работе, живя в ужасном месте и постоянно испытывая жуткий стресс: они живут в постоянном страхе, стараясь избежать какого-то еще большего страха, получить те самые гарантии, что им нечего бояться, что они защищены. Они живут в постоянном стрессе, чтобы получить гарантии от стресса непредвиденных обстоятельств, они живут в постоянных долгах, чтобы получить гарантии их оплаты, они готовы предать себя ради того, чтобы служить идеалам, которые защитят их от предательства. Не похожа ли эта «нормальная жизнь» на тот самый «черный день», которого все так стремятся избежать и получить гарантии, что в их жизни он точно не наступит? Весь мир, принявший эти странные правила, стал заложником гарантий, которые вам никто никогда не даст! Это же бред, настоящий бред. Это странная иллюзия, которая продолжает считаться реальностью, не смотря ни на что. Это поразительное заблуждение, от которого невозможно избавиться. Вот что по-настоящему странно».

Я смотрела на него, не зная, что сказать. Его слова показались мне жестокими, хотя и не были таковыми.

«Но как только находишь выход из этой системы, - продолжал Руслан, - тотчас же все начинает видеться совсем иначе. Понимаешь, на самом деле нет ни одной причины, чтобы оставаться в ней, но есть все причины для того, чтобы выйти и начать, наконец, жить».

Его слова вызвали во мне противоречивые чувства. С одной стороны, на уровне теорий, я, пожалуй, могла бы с ним согласиться. Но с другой стороны, как только дело касалось практики и реальных примеров из жизни, тут же стройная система утопического счастья свободы и независимости в моей голове давала трещину, и все снова поворачивалось в сторону «нормальной» жизни, с ее устойчивыми законами и торжеством причинно-следственных связей. Так не получалось, как они призывали нас жить.

Я сидела и думала, как можно свести все воедино. Меня никто не отрывал от моих мыслей. Я полностью была предоставлена самой себе.

Вдруг я заметила, что продолжаю заниматься привычной демагогией. Моя привычка соглашаться с тем, что есть, если нет ничего другого – это еще полбеда. Но моя привычка внушать себе, что это лучшее из всего, если нет ничего другого – это уже беда. Это и есть те самые позорные договоры, в которых за продажу реальных ценностей мы получаем бумажки, талоны, страховки и акции, обеспеченные лишь новой порцией вранья. Так мы продаем себя, ничего не получая взамен.

И я не хотела себе признаться, что место, в котором я теперь нахожусь – это прекрасное место, где все устроено хорошо и правильно, где красиво, спокойно и хочется остаться. А я зачем-то внушаю себе, что это невозможно, хотя рядом со мной сидят те, кто здесь уже живет. Просто живет и все.

Но мы так не можем, нам нужно разрешение, нужен патент, нужны гарантии, личная собственность и... еще много чего нужно. Просто так мы не можем, потому что нам нужна уверенность в завтрашнем дне. Но кто же может нам ее дать?

Игорь тем временем летал по небу, над землей и над водой. Казалось, что он забыл обо всем. Со стороны мне казалось, будто он переместился в какую-то другую реальность, хотя продолжал оставаться в этой.

Часть вторая. Мать

В маленьком поселке на Ничьей Земле жила одна девушка. Звали ее Зоя. Она жила одна в отдельной комнате в общежитии с общим коридором, кухней и уборной. Она была биологом и работала на биостанции – изучала местные растения и защищала природу. Биостанция находилась недалеко от станции охраны, на которой работали три парня.

Девушка полюбила одного из них, и они стали встречаться. Денис был хороший, добрый и внимательный. Он всегда встречал ее у ворот биостанции и провожал домой после работы. Потом они подолгу стояли в ближайшем саду, разговаривали и обнимались. Зоя была очень счастлива.

Потом она забеременела.

Когда она родила двойню, ее парень пропал без вести. Кажется, «без вести» он пропал только для нее одной, но это не меняло дела. Она не могла представить, что с ним могло случиться, и эта неизвестность ранила и губила ее сильнее всего. Зоя оказалась в самом худшем положении, какое только могла себе вообразить. Вот так в одно мгновение ее огромное счастье было разрушено и обратилось противоположностью. Кто бы мог подумать? И как же теперь быть?..

Зоя осталась одна с двумя грудными детьми на руках, в полном неведении о судьбе своего любимого и своей собственной судьбе, без малейшей помощи и надежды. Что было делать?!

Всякий раз, когда отчаяние подступало горьким комком к горлу и горячими слезами к глазам, Зоя стала обращаться за помощью к Тому Единственному, Кто теперь мог слышать ее. Она не была точно уверена в том, что Он ее слышит, но больше обратиться все равно было не к кому. И Зоя отчаянно просила Его помощи, милости и защиты. Горячие слезы изливались из ее глаз, и ком в

горле отступал. Ничего не менялось, но на сердце все равно становилось как-то легче. «Это оттого, - думала Зоя, - что я так решила, что Он слышит меня и обязательно поможет».

Каждый вечер, когда дети засыпали, Зоя стояла на коленях у самодельного алтаря и горячо молилась о том, чтобы Он послал пищу ей и ее детям.

Однажды утром она проснулась и обнаружила в общем коридоре на старой тумбочке перед своей дверью, в которой она хранила разный хлам, который в комнату не потащишь, кастрюлю с едой, хлеб и разные необходимые детские вещи. Зоя сначала не поверила своим глазам, но сразу подумала, что лучше побыстрее забрать кастрюлю, пусть даже потом она и оказалась бы чудесной, то есть несуществующей, чем размышлять о невероятности такого волшебного дара.

После того, как пища была съедена, а остатки прибраны, Зоя вымыла кастрюлю, незаметно вернула ее на место и горячо поблагодарила Того, Кто услышал ее и послал помощь.

С тех пор Зоя каждое утро с большим волнением открывала дверь в коридор. В волнении этом были смешаны надежда и страх в равных пропорциях 50/50: надежда на то, что заветная кастрюля с едой снова появится на своем месте, и страх оттого, что этого не произойдет. Ведь чудо оно на то и чудо, что не действует по расписанию, а как бы волею случая...

Но как бы то ни было, всякий раз Зоя непременно находила на своем месте полную кастрюлю с едой и вещи, необходимые для ее малышей. И она благодарила Того, Кто это сделал, со слезами на глазах и трепетом в сердце.

Зоя не знала, как Бог действует в этом мире, но постепенно склонялась верить в то, что милость Его безгранична и, поскольку все в Его руках, Он волен действовать так, как считает нужным.

Однажды поздно вечером ее дети мучились от болезни и не спали, и Зоя

мучилась вместе с ними. Когда наконец ей удалось их успокоить и они уснули, она тоже заснула прямо рядом с их кроватью. В тот день она забыла помолиться Богу, поблагодарить Его за все, что Он уже сделал для нее и попросить о новой милости.

Проснувшись утром, она по привычке вышла в коридор, и... не обнаружила заветной кастрюли! Зоя была удивлена и обескуражена до глубины души. Как?!. Бог забыл о них? Но потом она вспомнила, что это она сама забыла о Нем. Что забыла вчера помолиться и попросить Его милости.

Зоя стояла посреди коридора, устремив глаза на пустую тумбочку и не в силах двинуться с места, так сильно было ее удивление и так потрясающе подтверждение веры. Она была просто шокирована своим внутренним открытием. Оказалось, что эта ежедневно появляющаяся кастрюля с едой как бы подтверждала веру, но в то же время рождала и сомнение: а что если завтра этой кастрюли не будет? То есть, сколько бы раз чудесная кастрюля ни появлялась на своем месте, вера ее от этого не крепла, и всегда где-то в глубине оставалось сомнение. Но стоило только раз кастрюле не появиться, как сомнений не осталось, и вера ее в бесконечную милость Бога тотчас стала незыблемой, непоколебимой.

Со слезами Зоя побежала к своему самодельному алтарю, встала на колени и принялась горячо молиться, каяться и просить прощения.

* * *

В этом же доме за стеной от Зои жила другая женщина. Она была пожилая и одинокая. Звали ее Надежда Семеновна. Недавно в ее жизни случилось огромное горе – она потеряла единственного сына. Он пропал, исчез бесследно, не оставил ни письма, ни записки, ни единой весточки. Она не знала, что могло с ним случиться, куда он мог пропасть и почему не может сообщить о себе. Она подала заявление в милицию на розыск. Но розыск пока никаких результатов

не дал. Надежда Семеновна плакала день и ночь. Она даже мысли не допускала о том, что ее сын мог поступить подло и просто сбежал, и горячо молилась Богу, чтобы Он помог вернуть ей ее единственного сына.

Потом она стала слышать за стеной детский плач. Надежда Семеновна подумала о том, кто живет за стеной. И вспомнила, что за стеной живет одна девушка с биостанции, с которой она пару раз видела своего сына. А теперь вот он пропал, но вдруг появились дети. А что если...

В голове Надежды Семеновны появились мысли о том, что, возможно, это дети ее сына? И он просто бросил их? Нет, конечно, нет! Не бросил. Он пропал. Но вдруг дети все-таки его? И тогда получается, что это ее внуки? А, может, и нет...

Женщины не были знакомы. Зоя недавно поселилась в общежитии, в котором Надежда Семеновна прожила полжизни, они редко встречались даже в коридоре и ни разу не обмолвились и парой слов.

И теперь у каждой из них было свое горе.

С некоторых пор Надежда Семеновна думала и молилась только об одном: чтобы Господь вернул ее сына. Она часто спрашивала у Него, что она могла бы сделать для этого? Куда обращаться, куда ехать, кому писать? Но ни разу не получила ни одного ответа, ни малейшей подсказки.

Тогда Надежда Семеновна сама решила, что может взять на себя часть его обязанностей, и таким образом как бы заместить его присутствие и приблизить его возвращение. Так она решила кормить его жену и детей, в прямом смысле слова. И пусть бы даже в конечном итоге эти брошенные жена и дети оказались бы вовсе не ее сына, она тем не менее отчего-то верила в то, что это единственный способ вернуть его. Может быть, это и было той подсказкой, которой Господь наградил ее, и которую она различила в своем сердце.

С тех пор каждый божий день Надежда Семеновна с самого раннего утра принималась за стирку. Всю приготовленную пищу она складывала в большую кастрюлю, выносила в коридор и оставляла на тумбочке перед

дверью соседки. Ее никто не видел. Так продолжалось много дней.

Сын так и не объявился и не дал о себе знать. Розыск так же не принес никаких результатов. Но Надежда Семеновна не прекращала исполнять добровольно взятые на себя обязанности. Она знала, что вера сильна действием, и что ответ – это милость Бога, - который может прийти в любую минуту, не зависимо от величины кажущихся нам заслуг. Постепенно Надежда Семеновна решила для себя так: что она делает это не из корыстных побуждений, ни ради того, чтобы заключить сделку с Богом и выкупить для себя сына за кастрюлю похлебки, но только потому, что сильно любила его, сильно скучала и хотела таким образом заместить хотя бы его часть. Она хотела стать частью него, как некогда он сам был частью ее тела. Тем, что она кормила, как она думала, его жену и детей, Надежда Семеновна как бы частично материализовывала присутствие своего сына именно в этом месте.

«Бог милостив, - говорила она себе, - и если только мой сын жив, он непременно вернется сюда. Бог укажет ему путь назад, а любовь на этом пути – лучший маяк, и он не собьется, не потеряется, не заблудится и не уйдет в другое место. Он непременно вернется сюда».

Ежедневно готовя еду для матери и малышей, Надежда Семеновна делала это с неизменной любовью к своему сыну и с твердой надеждой на его возвращение. Она не знала тех людей за стеной и не мучилась сомнениями в правомерности или ошибочности своих действий. Она верила в то, что все делает правильно.

И вот в один прекрасный день Надежда Семеновна получила извещение, что на почте ее ждет заказная бандероль. Кто еще мог послать ей посылку? Только сын!

Женщина позабыла все свои дела и тотчас отправилась на почту. Ехать было далеко – до районного центра и обратно.

Вернулась она поздно, очень уставшая, все исплакавшаяся то ли от счастья, то ли от горя, и по возвращении сразу легла спать. На другой день проснулась она

поздно, и потом еще долго лежала в постели, перебирая в памяти события вчерашнего дня. Потом она вспомнила, что не приготовила еду для одинокой матери и ее детей за стеной. Посмотрев на часы, Надежда Семеновна тотчас вскочила с постели и побежала на кухню. «Как же они будут голодные?!» – думала она, и ей было очень стыдно от своей забывчивости.

«Счастье, кажется, не друг нам, - думала она, очищая картофель, - иначе почему мы сразу забываем обо всем, становимся бесчувственными эгоистами, думаем только о себе?» Ей было стыдно за себя и больше не хотелось такого «счастья». Ей не хотелось снова «забыться» и жить лишь для себя, заботясь о собственном счастье.

«Зачем заботиться о том, что не зависит от нас, и может исчезнуть в любой момент? – думала она, нарезаая тонкими ломтиками морковь, - и теперь ей стало стыдно за свою глупость. – Когда мы счастливы, мы ослеплены, и не способны воспринимать ничего, кроме этого нашего счастья. И думаем лишь о том, как продлить блаженство, как растянуть наслаждение, как будто от этих мыслей наше счастье становится вечным».

Надежде Семеновне не хотелось больше подобного счастья.

«Заслуживающий счастья счастлив постоянно, а тот, кто не заслуживает, не будет счастлив никакими приобретениями, - думала она, приправляя луковую зажарку для супа душистыми специями. – Так любовь всех делает богатыми. Это путь, на котором нет потерь. А если вдруг ты чувствуешь себя обманутым, обделенным, ограбленным – это значит, что в твоём сердце нет любви, а есть только эгоизм, жадность и желание наслаждаться. Это значит, ты ищешь счастья. Но зачем его искать? Вот же оно, повсюду!»

С этой мыслью Надежда Семеновна сняла кастрюлю с супом с плиты и перестала думать о сыне и его возвращении.

Она понесла кастрюлю соседке. В первый раз с тех пор, как Надежда Семеновна взялась исполнять свой добровольный долг, она была счастлива оттого, что

делает и не желала больше ничего взамен.

«Какой урок дал мне Господь!» - думала женщина.

Она вдруг почувствовала, что сердце ее очистилось, освободилось от какой-то мутной взвеси, которая не давала видеть ясно и воспринимать события такими, каковы они есть, а теперь словно мутный осадок осел и был отфильтрован, и осталась только чистая свежая вода.

Надежда Семеновна постучала в дверь Зои. Когда дверь открылась, женщины встретились лицом к лицу. Так они узнали друг друга, но не как обычных людей, которые оказались стоящими за «чудом», которого нет, но как божественных посланников друг для друга, чьими руками Он и творит Свой замысел здесь, на Земле.

Они обнялись и плакали друг у друга на плече – они были счастливы тем, что обрели.

С тех пор они стали жить вместе, словно одна семья. Ведь они и были семьей. Женщины больше не ждали возвращения сына и любовника с той тоской и отчаянием, с какой ждали раньше. Но они часто вспоминали о нем, и все равно надеялись, что он вернется, рано или поздно. Теперь они жалели не себя в его отсутствии, но его самого – что он блуждает где-то там на чужбине, что не видит, как растут его дети, эти милые крошки, что он пропускает те мгновения, которые никогда не вернешь и ничем не восполнишь, что он лишен той любви, которую можно обрести лишь в семье, и что он вынужден жить далеко от дома, в чужих краях, один...

Часть третья. Полет

Когда Игорь вернулся, я сразу заметила, что в нем как будто что-то изменилось. Как будто изнутри в нем открылись какие-то внутренние заслонки, которые освободили выход какой-то неизвестной энергии. И эта энергия, как сила реки, пущенная хитрой рукой, мгновенно освободившая от грязи авгиевы конюшни, так же освободила и Игоря от той же грязи, которая долгое время копилась, отравляя ему жизнь, и мешала жить счастливо и спокойно.

Я почувствовала, что Игорю нужно время, чтобы побыть в одиночестве и как-то осмыслить то, что с ним произошло, как-то пережить, прочувствовать. Конечно, мне хотелось о многом его расспросить, но я решила отложить расспросы на некоторое время. Вдруг, совершенно неожиданно для себя я почувствовала странное ощущение соединенности с чужой судьбой, словно я могла настроиться на волну человека и чувствовать его напрямую, забыв о себе, то есть, не пропуская его чувства через себя, не со-чувствуя, но чувствуя буквально его самого. Поначалу я совершенно не поняла, что это такое происходит со мной, но потом меня буквально озарило, в прямом смысле слова. И сияние этого озарения было так сильно и так светло, что я ощутила невыразимое счастье просто от того, что мне удалось хотя бы на секунду забыть о себе и соединиться духовно с другим человеком, что мне удалось его понять!

Это было потрясающее по силе переживание. Я никогда не могла предположить, что секунда забвения собственного «я» вдруг может наполнить душу таким счастьем, такой легкостью, таким светом! Это было невыразимо и прекрасно.

Мне тоже захотелось прокатиться в волшебной ступе. Но я стеснялась попросить.

«А что если я вдруг сломаю такой ценный аппарат? – думала я. – Ведь я не

умею им управлять».

«Теперь твоя очередь», - сказал Алексей, - словно прочитав мои мысли.

«А что если я что-нибудь испорчу?» - неуверенно проговорила я.

«Испортить каждый может только собственную жизнь, - глубокомысленно заметил Руслан. – Не волнуйся, его невозможно сломать, - прибавил он, глядя на аппарат. – Он у нас уже много лет и еще ни разу не ломался. А если бы и сломался, мы ничего не смогли бы сделать, потому что на самом деле никто не знает, как он устроен».

«Свалиться с него можно, - добавил Алексей, - а сломать... вряд ли. Он ведь как бы сам летает и всегда возвращается. Так что не бойся, главное, держись крепче».

Я залезла в «кабину». Там было еще мокро после погружений Игоря под воду.

«Странно, - подумала я, - крыши здесь нет, тогда как же он дышал под водой?»

«Под водой он немного протекает, по швам, - тут же пояснил Алексей, будто услышал мой безмолвный вопрос, - но ничего, плавать можно, и воздух почти не выходит, так что минут двадцать продержаться возможно».

«Ого! Но как это возможно?!» - снова подумала я.

«Ладно, я поехала!»

Пылесос тут же зажужжал и медленно поехал к краю веранды, а потом как будто спрыгнул с него и повис в воздухе. Я качнулась, потеряв одновременно равновесие и почву под ногами. Но потом наше медленное движение выровнялось и обрело прямоту.

Поначалу я отчаянно цеплялась за брезентовые борта, которые, впрочем, не создавали ощущения твердой опоры. Конструкция со всех сторон казалась хлипкой, и было страшновато подниматься выше. Однако это поразительное чувство полета и какого-то свободного, не зависящего ни от чего движения оказались настолько захватывающими, что я всей душой устремилась в небо.

Ступа тотчас последовала за моим желанием, и мы стали набирать высоту.

Наличие глубокого озера под нами несколько успокаивало страх на тот случай, если все-таки что-то пойдет не так.

Удивительно, я помню, что с земли мне казалось, что Игорь поднялся не так высоко, однако теперь, когда я была на его месте, мне казалось, что небо стало значительно ближе, и будь я таким же любителем фотосъемки, как он, я непременно взялась бы фотографировать облака.

Ступа постоянно немного качалась, так что не было ощущения устойчивой поверхности под ногами, что только усиливало чувство свободного полета, свежий ветер обдувал лицо – и все это наполняло сердце огромной радостью.

Сверху было очень далеко видно озеро, и землю, и лес, и все, что творилось кругом. Солнце переходило бликами с места на место, подобно тому как облака ползли по небу, словно ленивые рыбы в воде. Коровы украшали поле своим черно-белыми и рыжими телами, будто большие удивительные цветы. Лес стоял стеной и расстился махровым ковром под ногами. Все это было так чудно, так прекрасно, и я вдруг с поразительной ясностью осознала, что эта Ничья Земля – что это за Земля.

Все это Божья Земля, и только Он на ней хозяин и единый полновластный господин, Господь. А мы настоящие слуги Его, которые призваны исполнять Его волю. Только у нас отчего-то засорились приемники, и остались одни передатчики. И никто теперь не знает, как это починить, исправить. Как с волшебной ступой...

Мы работаем только в одну сторону – только просим себе, требуем, все стараемся присвоить, назвать «своими именами». Но мы не центры Вселенной, не цари природы, не властители сокровищ. Мы лишь слуги, и это звание не унижительно, но наоборот, тем более почетно, чем вернее мы способны служить воле Господа.

Странные мысли, возникшие теперь в моей голове без всякой почвы, заранее

приготовленной моей прошлой жизнью, очень удивили меня. Здесь я подумала, что, возможно, Игорю так же пришло в голову нечто подобное?

Я летала по небу, и у меня было ощущение, что все мое существо теперь совершенно пронцаемо для каких-то новых энергий, о которых мы ничего не знаем, и даже не догадываемся. А встречаясь с их воздействием в нашей обычной жизни на Земле, упорно стремимся объяснить необъяснимое – объяснимым. Как обычно, погрешность оказывается бессмысленно велика. Ну, должны же мы делать хоть что-то, хоть как-то заделать дыры в нашем известном, реальном мире, представления о котором давно трещат по швам. Но мы держимся и стараемся не пропасть. Ведь придумать новую цивилизацию, в которой Бог оказался бы снова на последнем месте, не так-то легко. Нужно иметь по истине изощренное сознание и последнюю степень цинизма, буквально дьявольское хитроумие. Да!

Затем я стала постепенно снижаться и летать над озером, над самой водой, пока наконец не решилась и не плюхнулась в него. Я машинально вжала голову в плечи и зажмурила глаза, ожидая, что сейчас вода хлынет «за борт», но ничего такого не произошло. В ступе оказалась какая-то герметическая воздушная завеса, ну, или почти герметическая. Сквозь стены просачивалась вода, но это было вполне терпимо, зато можно было посмотреть, что происходит под водой. В брезентовых бортах были для этого приспособлены прозрачные полиэтиленовые окна, так как через борт высунуться было нельзя. Вода оказалась довольно мутной, так что ничего особенного разглядеть было нельзя, но я чувствовала себя настоящей рыбой, рыбой в воде! Это было так увлекательно – бороздить воду и выныривать из нее, как дельфин-вертун, плясать на хвосте, и снова плюхаться и уходить под воду. Что за чудесное устройство, волшебная ступа!

Затем я полетела на поле, где паслись коровы. Я летала очень близко над ними

и между ними, а они совсем не боялись, лишь лениво отмахивались хвостами и провожали взглядами. Как странно, из ступы и коровы казались какими-то странными: не обычными глупыми животными, из которых делают мясо, масло, сыр, творог, молоко, сметану и колбасу, но удивительными существами, которые наделены той же частью жизни, что и мы, которая называется душой. Одушевленное и значит живое. А те, у кого есть душа, едины с нами по сути, все это есть подобное, одно...

И я словно видела души этих существ внутри себя или себя ощущала внутри каждого из них, это было сложно определить, вернее, сложно описать словами, хотя ощущения мои были предельно ясны. Мне вдруг на секунду открылась та Любовь и Мудрость, с которой был создан весь этот Мир. Все это было одухотворено свыше и являлось священным. Земля, трава, воздух, каждая букашка, цветок, листок и всякое существо были созданы одним единым Творцом, сотворены, оявлены и одухотворены. И никто без Его позволения не имеет права прикасаться к творению, разрушать его, использовать или присваивать себе. Все является священным!

Вдруг я поняла, что мне открылся сакральный мир. За какие такие заслуги мое выхолощенное и давно опрофаненное сознание вдруг было удостоено той милости, мне было не известно. Но ясно было одно: на то действительно была милость Всевышнего, Который вдруг пожелал мне приоткрыть не то что Свой замысел, но лишь указать направление, которое давно считалось нами тупиковым бесперспективным, научно-отрицаемым и попросту глупым.

Мне приоткрылось вдруг, что мир един, и каким образом все связано между собой. Эта общая субстанция духа, которая в каждом отдельном случае есть личность, то есть отдельная законченная часть, но в то же время часть того общего целого, которое называют Творением, Миром, Вселенной. Это было так удивительно, что я буквально не могла сдерживать слез. Вдруг я увидела блистающий мир!

Он сиял и переливался передо мной такими яркими красками, каких я никогда не видела в жизни. Они были очень чисты и прозрачны, и все предметы как будто отражали свет, словно покрытые мельчайшими капельками росы. Свет бесконечно преломлялся, и все сияло, сверкало и лучилось. Этот мир был прекрасен, и это был все тот же мир.

Очень сложно уложить данный опыт в слова, потому что для этого нужны такие же чистые сверкающие слова, до краев наполненные смыслом, а у нас их нет. В большинстве своем у нас остались лишь сухие шуршащие лепестки, которые давно покинула жизнь. Дух оставил лишь пустые оболочки. И то, что мы привыкли видеть во всем – все те же пустые оболочки, лишённые жизни, материальные объекты, которые можно использовать. Мы привыкли все использовать, вместо того, чтобы сосуществовать. Живое слово давно мертво. Оно погибло вместе с тем, что мы убили и использовали. Что мы уничтожили, развеяли в прах, и теперь вот сами страдаем от непонятной тоски, души наши пусты и их нечем заполнить, потому что мы утратили связь со святостью, то есть с Духом живым.

Мне захотелось остановиться и обнять каждую корову, поцеловать каждую травинку и прикоснуться к земле. Я вдруг ощутила ее реальное дыхание, почувствовала, что она тоже живая, огромное живое существо, которое дает жизнь всем нам и которому дает жизнь кто-то еще.

Потом, когда явление закончилось, мне сразу захотелось вернуться назад.

Мне тоже захотелось побыть наедине со своими ощущениями и мыслями, прочувствовать и пережить их еще столько раз, сколько окажется возможным, чтобы накрепко соединиться с ними, чтобы навсегда переродиться.

Когда я вернулась, Игорь сидел на втором этаже нашего корпуса, на балконе. Я поднялась к нему. Он молча смотрел на небо и землю. Теперь со второго этажа было видно казалось в сто раз больше пространства, чем раньше. Я села рядом с ним на пустой табурет и тоже стала смотреть вдаль, на небо и землю.

Долгое время мы так и сидели молча, благодарно чувствуя присутствие друг друга.

«Ничья Земля», - сказала я, сама не знаю, почему.

«Давай останемся здесь?» - вдруг сказал Игорь.

«На сколько?» - спросила я.

«Может, навсегда?..»